

- ⁶⁵ Волкова Н.Г. Этнический состав... С. 68.
⁶⁶ Кабардино-русские отношения. Т. 2. С. 188.
⁶⁷ Волкова Н.Г. Этнический состав... С. 68.
⁶⁸ История КБАССР. Т. I. С. 169.
⁶⁹ Волкова Н.Г. Этнический состав... С. 57.
⁷⁰ Там же.
⁷¹ Кабардино-русские отношения. Т. 2. С. 334, 341, 343.
⁷² Там же. С. 343.
⁷³ Там же. С. 344.
⁷⁴ Акты Кавказской Археографической комиссии (далее – АКАК). 1868. Т. 4. С. 879.
⁷⁵ АКАК. Т. 3. С. 649; Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 277.
⁷⁶ Записки А.П. Ермолова 1798–1826 гг. М., 1991. С. 263.
⁷⁷ АКАК. Т. 4. С. 882.
⁷⁸ Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991. С. 78.
⁷⁹ Там же.
⁸⁰ АКАК. Т. 4. С. 509.
⁸¹ Волкова Н.Г. Этнический состав... С. 57.
⁸² Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 162–163.
⁸³ Там же.
⁸⁴ Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 401; Гарданов В.К. Общественный строй... С. 42.
⁸⁵ Думанов Х.М. Указ. раб. С. 31–35.
⁸⁶ Кабардино-русские отношения. Т. 2. С. 114, 115.
⁸⁷ Думанов Х.М. Указ. раб. С. 31–35.

Z.A. K o z h e v. The Dynamics of Kabarda Population Number (18th – a quarter of 19th cc.)

For the first time in Caucasus studying literature it makes an attempt to determine the dynamic of Kabarda population number in absolute figures. By the end of the first quarter of 19th century the Great Kabarda population number was about 20–21 thousand people and in Kabarda Minor it was 6–7 thousand.

© 1998 г., ЭО, № 2

И.Э. Е л а е в а

БУРЯТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ДОМИНАНТЫ ЭТНИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

В последние годы этническая проблематика привлекает внимание как ученых, так и представителей художественно-творческой интеллигенции, религиозных и общественных деятелей. Популярными темами дискуссий являются сюжеты, связанные с генезисом, структурой, функционированием и особенностями этнической идентичности на материале разных этнических общностей, социальных групп. Рассмотрение этих и многих других граней проблемы этнической идентичности происходит и в плоскости методологического осмысления, и на уровне эмпирических исследований. При этом следует учитывать, что манифестные формы этничности в ряде случаев оказываются проявлением иного, не этнического, статуса личности. Представляют интерес предпринимавшиеся попытки вскрыть природу и характер этнической идентичности с помощью научных средств¹.

Предлагаемая работа посвящена выявлению некоторых доминант этнического самоопределения на примере бурятской интеллигенции. Безусловно, в рамках статьи невозможно дать глубокий всесторонний анализ этнической идентичности бурятской интеллигенции. В исследовании делается попытка вычлнить некоторые базисные измерения, архитектонику той системы категоризаций, в пространстве которой бурятской интеллигенцией конструируется образ «мы» и осознаются этнические интересы.

В конце 1980-х годов активизировалось участие национальной интеллигенции в социально-политической жизни республики: она возглавила в Бурятии демократическое движение, начала процесс обновления республиканских форм власти, стояла у истоков идей возрождения народов Бурятии. «В начале 90-х годов, – пишет Э.Д. Дагбаев, – научная и творческая интеллигенция стала бесспорным лидером по публикациям на национально-политические темы в республиканской прессе... Таким образом, общественное мнение по национальному вопросу... формировалось прежде всего интеллигенцией. А пресса выступила мощнейшим рупором или ретранслятором ее идей»².

Вместе с тем в последнее время высказываются мнения о кризисе бурятской интеллигенции. Не случайно осенью 1994 г. теме интеллигенции были посвящены две состоявшиеся в Улан-Удэ научные конференции: международная – «Интеллигенция: проблемы гуманизма, народа, власти» и республиканская – «Национальная интеллигенция и духовенство: история и современность»³. Каковы же сейчас позиции научно-творческой интеллигенции Бурятии? Чувствует ли она в себе силы быть лидером народа или эта роль переходит к представителям других групп интеллигенции, иных социальных слоев населения?

Поскольку основное внимание нами акцентировалось на сборе и анализе как можно более широкого диапазона взглядов, оценок, идей о месте и роли национальной интеллигенции в настоящий период, то для получения интересующего нас материала представлялось оптимальным сочетание различных методов исследования: экспертного опроса в форме неформализованного интервью и анализа публикаций последних лет по этнической проблематике в научной и периодической республиканской печати не только экспертов, но и других авторов. Такой подход дал возможность извлечь более объемную, развернутую информацию о системе представлений бурятской интеллигенции и особенностях ее рефлексии.

Интервьюирование проводилось в марте и июне 1994 г. В состав экспертов (15 чел.) вошли известные в республике ученые, ответственные работники Совета министров, депутаты Верховного Совета Республики Бурятия, представители директорского корпуса и руководящий состав двух коммерческих структур, т.е. люди, имеющие вес в республике, формирующие общественное мнение и оказывающие влияние на принятие решений. Иными словами, эксперты были представителями научно-гуманитарной, управленческой и предпринимательской элиты Бурятии. Нам хотелось бы еще раз подчеркнуть, что базой исследования послужили не только интервью с экспертами, но и представленные в прессе публичные высказывания широкого круга авторов.

В исследовании мы сталкиваемся с проблемой соотношения интеллигенции и элиты. По мнению экспертов, «интеллигенция» и «элита» – отчасти совпадающие категории в том смысле, что представители бурятской элиты (как, впрочем, и контрэлиты, т.е. части элиты, которая представляет собой оппозиционные группы) «рекрутируются» в основном из слоя интеллигенции.

Необходимо подчеркнуть, что в силу начального этапа исследования и небольшого объема выборки итоги опроса целесообразно оценивать не в терминах репрезентативности и экстраполяции полученных выводов на весь массив национальной интеллигенции Бурятии, а следует рассматривать их с точки зрения симптоматичности и обнаружения тенденций. Рациональность такой стратегии осмысления результатов обусловлена также возможностью того, что под выявленным материалом лежат более глубокие пласты, в которые не удалось пока проникнуть.

На основании анализа текстов интервью и публикаций были вычленены две группы доминант. Эти доминанты суть ценностные образования, на которых базируются процессы интерпретации и категоризации этнокультурной реальности. По своей природе доминанты могут быть как рефлексивными, так и представленными на актуально неосознаваемом уровне. В идеологических конструкциях они присутствуют чаще в имплицитной форме.

Обобщая материалы интервью с учетом высказываний в прессе, видим, что первая группа доминант представляет собой проблемные локусы, вокруг которых фокусируются представления респондентов.

Интеллигенция и народ. Эта семантическая ось отражает различные подходы к пониманию места и роли национальной интеллигенции в жизни бурятского общества. Противоположно ориентированные позиции задают полюса оси, между которыми располагается широкий континуум мнений и оценок. С одной стороны, национальная интеллигенция трактуется как один из элементов социальной структуры общества. Иная точка зрения представлена постулатом о высоком назначении национальной интеллигенции, ее особой роли в судьбе народа.

Нация и государство. Эта доминанта фиксирует разные интерпретации понятия «нация». На одном полюсе находятся умонастроения, выражающие значимость культурного утверждения нации. Нация квалифицируется в большей мере как этнокультурная общность. Другой полюс характеризуется тенденцией рассматривать нацию прежде всего как государственное сообщество, как совокупность граждан государства. Здесь большей весомостью наделяется экономико-правовое конституирование нации. Вместе с тем проблемы политического устройства общества волнуют сторонников как той, так и другой позиции.

Возрождение и прогресс. Здесь определяются приоритеты национального развития: либо превалируют вопросы культурного, духовно-нравственного возрождения, либо акцент смещен в сторону первоочередности решения экономических, политико-правовых, социальных проблем.

На первый взгляд, эта доминанта созвучна популярной антиномии традиционализм – модернизм. Но в нашем случае дискутируется не выбор того или иного пути развития, а субъективная значимость отдельных его составляющих для разных групп населения. Кроме того, под культурным возрождением не всегда (хотя именно так чаще всего и бывает) подразумевается приверженность традиционному социально-культурному наследию. Итак, на одном полюсе находятся следующие позиции: национальный прогресс недостижим на основе преобразований только в социально-экономической сфере при игнорировании роли духовного возрождения и изменения сознания людей; на другом – процветающая экономика гарантирует и возрождение культуры, и прогрессивное национальное развитие.

Интеллигенция и власть. Здесь представлены разные оценки факторов и степени влияния интеллигенции на политическую ситуацию в республике.

Еще одна группа выявленных доминант включает в себя доминанты, определяющие ракурс видения этнического и формирующие в психологическом смысле этнический образ действия или способ реализации этнического, т.е. атрибутивные качества идентификационного процесса.

Контекстуальность. Для данной доминанты характерна тенденция рассматривать вопросы, связанные с этническим бытием бурятского народа, через призму широкого этнокультурного и социально-политического контекста. Этническое бытие предстает как некоторая подсистема в более обширной системе социальных отношений.

Самокритика. Здесь сосредоточены представления, свидетельствующие о значимости внутренних, нравственно-психологических детерминант в формировании и поддержании этнической солидарности.

Созерцательность. Присутствующие здесь ориентации указывают на воздействие внешних, не зависящих от воли народа объективных причин и ассоциируются с «чувством брошенности на произвол судьбы».

Оптимизм. Это доминанта надежды, концентрирующая веру в духовные силы национальной интеллигенции, в ее способность преодолеть трудности, обусловленные воздействием внутренних и внешних факторов. Будущее республики связывается с развитием интеллигенции.

Итак, опираясь на выделенные посредством анализа текстов интервью и публикаций доминанты, попробуем раскрыть особенности самовосприятия и самоопределения разных групп бурятской интеллигенции.

Представители интеллектуальной элиты более склонны рассматривать национальную интеллигенцию с точки зрения нравственных критериев, нежели с позиции социальных признаков, определяющих принадлежность к социальной группе. В своих оценках роли и места национальной интеллигенции в судьбе бурятского народа они отдают предпочтение тезису о ее высоком предназначении. По мнению одного из деятелей науки Т.М. Михайлова, «национальная интеллигенция – это тончайший слой народа, который живет интересами народа, является самым высоким носителем его нравственной культуры, олицетворяет в себе все достойное народа, занимается духовными проблемами общества. Интеллигенция всегда берет на себя ответственность за общество».

Со взглядами Т.М. Михайлова солидарен В.Ц. Найдаков: «Национальная интеллигенция воодушевлена высокими помыслами, заботой, радением о судьбе народа». Другими словами, специфика национальной интеллигенции состоит в том, что она выражает национальные интересы (В.Ц. Найдаков, А.М. Могзоев); определяет и прогнозирует духовную жизнь общества (Д.Д. Нимаев); выполняет функцию духовного лидерства, создает то, что называется всемирной историей, творит и транслирует высшие духовные ценности, и самоопределение народа происходит благодаря интеллигенции (И.С. Урбанаева).

Говоря о структуре бурятской интеллигенции, опрошенные деятели науки подчеркивают, что если исходить из изложенных выше дефиниций «национальной интеллигенции», круг людей, принадлежащих к интеллигенции, узок. В состав национальной интеллигенции они включают лишь небольшую часть представителей деловых кругов, отмечая, что в целом этот новый слой крайне проблематично отнести к интеллигенции, поскольку только отдельные личности из среды предпринимателей занимаются существенными проблемами нации, поднимают вопросы будущего общественного обустройства. Между тем «народ живет, развивается, в конечном счете, в своей культуре, в своем духе. И вот этот дух надо возрождать, а не только одну экономику в чистом виде»⁴. Иными словами, необходимо спасти и укрепить социальные институты и духовно-культурные основы народной жизни. «Там, где нет объединяющих ценностей, не может быть и социального прогресса... Проблемы экономики – это прежде всего проблемы культуры, проблемы формирования человеческих качеств»⁵.

Научно-гуманитарная элита больше тяготеет к определению нации как культурной общности. Для нее высокую значимость имеет полноценная реализация культурных интересов народа. Вместе с тем сама возможность культурного утверждения все чаще рассматривается ими в тесной связи с вопросами политического обустройства республики. По данным Э.Д. Дагбаева, «наибольшие проценты публикаций – 27 и 24 – приходятся на национально-государственное устройство и темы культуры и духовного возрождения, тема национально-региональной экономики занимает лишь пятое место – 9%... Если в 1991 и 1992 годах тема национально-государственного устройства находилась на втором месте, то в 1994 году она вышла на первое. "Виновницей" служит развернувшаяся дискуссия по принятию новой Конституции Республики Бурятия и введению президентского правления... Безусловно, основу национального возрождения пресса Бурятии видит, прежде всего, в развитии культуры и духовной сферы, диалектически сочетающих в себе как достижения прошлого, так и настоящего»⁶.

На материале этой группы доминанта созерцательности содержит мощный эмоциональный компонент, вследствие чего преобразуется в доминанту сожаления. Ее тональность задают следующие ключевые идеи: идея ущерба национальной культуре и

языку; с ней перекликается идея трагичности судьбы бурятской интеллигенции. Наличие данных идей в таком эмоционально насыщенном измерении вскрывает ценностное отношение респондентов к культурному потенциалу бурятского народа (как в субстанциональном, так и в персонализированном ракурсах).

После Октябрьской революции были образованы Бурят-Монгольская автономная обл. в составе ДВР (1921 г.) и Бурят-Монгольская автономная обл. в составе РСФСР (1922 г.). 30 мая 1923 г. Президиум ВЦИК постановил объединить эти области в Бурят-Монгольскую АССР в составе РСФСР. По переписи 1926 г. население республики составляло 524 102 чел., в том числе буряты – 215 926 чел., или 41,2%, русские – 289 205 чел., или 55,2%⁷. Этот период национально-государственного строительства способствовал консолидации бурятского народа и его политическому, социально-экономическому и духовному развитию. Трагедией для бурят стали 1930-е годы.

Переломным в истории национальной государственности и в жизни бурятского народа в целом явился 1937 г. В двух публикациях в газете «Правда» руководство республики обвинялось в беспринципной позиции в отношении «врагов народа». Органами НКВД было инспирировано дело о контрреволюционной «панмонголистской» организации. Начались массовые репрессии. 26 сентября 1937 г. появилось Постановление ЦИК СССР «О разделении Восточно-Сибирской области на Иркутскую и Читинскую области», по которому в антиконституционном порядке, без согласия на то Бурят-Монгольской АССР (БМ АССР), В Иркутскую и Читинскую области были переданы шесть ее районов. Из части этих территорий образовали Усть-Ордынский и Агинский национальные округа. Ольхонский и Улан-Ононский р-ны вообще остались вне новых автономий⁸.

Авторы коллективного труда «Национальный вопрос в Бурятии» отмечают: «В отношении БМ АССР и бурятского народа была осуществлена хорошо спланированная акция, направленная на максимальное распыление бурятского народа. Буряты были искусственно распределены по трем административно-территориальным единицам, экономически и юридически не связанным между собой»⁹. Д.Д. Нимаев констатирует, что в конце 1930-х годов удельный вес народа в своей республике сократился до 21%¹⁰. В наихудших условиях оказались бурятские группы вне автономий. Самой характерной чертой в процессах миграции населения в Бурятии было переселение из Иркутской и Читинской областей в Бурятскую АССР. Только за 1968–1969 гг. оттуда в Бурятию прибыло 4800 бурят¹¹.

В обращении Верховного Совета и Совета Министров РБ по случаю 70-летия республики говорилось: «Сталинские репрессии, подавление культурного наследия, традиций и обычаев, традиционного вероисповедания, искусственное расчленение единой республики на три территории и социально-экономическое разобщение бурятского народа, его потери в культурном, духовном плане в период тоталитарного режима – все это черной тенью входит в историю республики»¹². Руководство республики отмечало, что стремление народа сохранить свое богатейшее наследие и духовные ценности, самобытность и традиции объявлялись буржуазным национализмом, панмонголизмом; подавлялись уникальные бурятская, русская старообрядческая, эвенкийская культуры. Были репрессированы евреи, татары, выселены китайцы и корейцы¹³.

3 июня 1993 г. Верховный Совет РБ принял постановление «О реабилитации народов Бурятии», в котором акт 1937 г. квалифицировался как незаконный. Вместе с тем «республика полностью признает конституционный статус автономных бурятских округов и приветствует признание их в качестве полноправных субъектов Федерации»¹⁴. Кроме того признавалось, что эти округа крепко интегрировались в экономику областей и говорить об их возвращении в состав республики не приходится¹⁵. 16 февраля 1996 г. между правительством Республики Бурятия, администрацией Агинского Бурятского автономного округа и администрацией Усть-Ордынского Бурятского автономного округа было подписано соглашение о социально-экономическом и культурном сотрудничестве. К 1994 г. почти не выходили публикации о присоединении

округов к республике и переименовании республики в Бурят-Монгольскую¹⁶. Вместе с тем очевидно, что на федеральном уровне необходима правовая оценка событий 1937 г. в отношении бурятского народа.

Опрошенные деятели науки с болью указывают на трагичность судьбы национальной интеллигенции Бурятии. В годы репрессий погибло поколение ярчайших представителей бурятской интеллигенции, сформировавшееся в конце XIX – начале XX в., а также новая интеллигенция: Б. Барадин, Ц. Жамцарано, Солбонэ Туя, Э.-Д. Ринчино, С. Ширабон, Д. Дашинамаев, И. Дампилон и многие другие. Эта утрата, по мнению ученых, не восполнена до сих пор. Произошел перерыв постепенности. Это относится ко всем народам. Особенно тяжело пострадала восточные народы и их интеллигенция, связанная с цивилизацией и культурой Востока. Они вынуждены были во многом отказаться от национальных корней, традиций, верований¹⁷.

Ущерб связывают с тем, что главными итогами указанного периода явились «утрата национально-государственной целостности, общенациональной идеологии и программы действий, истребление духовной элиты, лидеров и вождей нации, подрыв коренной системы традиционной культуры»¹⁸. В последующие годы выдающихся личностей – выразителей национальных интересов – не появилось. «Нация была в результате сталинских акций обезглавлена и на многие годы обречена на режим существования, не благоприятствующий ее консолидации, развитию общенациональной бурятской культуры и языка»¹⁹. Хотя отмечается, что численность образованных людей значительно возросла. Удельный вес среди занятых умственным трудом бурят составил в 1959 г. 16,9, а в 1989 г. – 41,3%²⁰. Вместе с тем в 1960–1980-е годы не было выдвинуто ни одной общенациональной идеи: «Бурятская интеллигенция 40–70-х годов не понимала сути, содержания и объема национальных ценностей»²¹.

Самокритика присутствует и в отношении ученых к современному поколению бурятской интеллигенции. Разбедненность, противоречия, личные амбиции препятствуют ее полнокровной самореализации. Есть мнение, что у нынешней бурятской интеллигенции нет ни должного уровня знаний, ни адекватного национального самосознания, ни величия души, чтобы она могла по-настоящему (как бурятская интеллигенция рубежа XIX–XX вв.) выполнить свою миссию по отношению к бурятскому народу: вывести его на перспективный путь развития, чтобы народ не просто не исчез, не просто выжил, но и обрел бы достойное место в будущем человечества. Тем не менее выражается надежда на то, что интеллигенция найдет в себе духовные силы для этого²².

Сложность современной социально-экономической ситуации накладывает отпечаток на ориентацию интеллигенции. Спровоцированное неустроенностью бытия ухудшение социального самочувствия интеллигенции вполне закономерно побуждает ее к обсуждению проблемы самовывживания.

Дискуссии сводятся к оценке прошлого и позитивных перспектив будущего. Т.М. Михайлов отмечает: «Мы не изучили как следует то, что у нас есть в духовно-культурном наследии, что в нем положительное и что отрицательное, что из позитивного социального опыта народа успели выбросить?»²³. В связи с этим насущными, по мнению ученых, являются проблемы сохранения и возрождения национальной культуры и прежде всего языка. Вокруг этих проблем концентрируются одни из наиболее значимых идеологем этнического самосознания не только бурят, но и практически всех народов России²⁴. В 1991 г. на I Всебурятском съезде была создана Всебурятская ассоциация развития культуры (ВАРК), основная цель которой – консолидация, координация и содействие возрождению и развитию бурятских культуры и языка.

Деятели науки обращают внимание и на то, что народы переплетены тысячами культурных, экономических, политических, социальных связей. Эту мысль высказывает, например, поэт Н.Г. Дамдинов: «За 300 с лишним лет мы тканью вросли в Россию и, конечно, о каком-либо полном суверенитете говорить не приходится»²⁵. По мнению Ю.Б. Рандалова, «только в тесном контакте и взаимоподдержке бурятского и русского этносов в республике и округах должны вестись последовательные и

все возрастающие процессы по духовному возрождению нации. Эта стратегия должна выдерживаться при непрерывном доказательстве и убеждении многонационального населения региона в том, что бурятский народ добивается только одного права: права жить со своим языком, со своей культурой, и это объективно не ущемляет права и интересы ни одного народа»²⁶.

Следующую задачу ученые формулируют как необходимость критического анализа прежних и существующих мифов об истории, культуре и современной жизни бурятского этноса²⁷. Это тем более актуально, поскольку и поныне встречаются попытки мифологизации исторической действительности, романтизации (или, наоборот, очернительства), выпячивания одних (при замалчивании других) пластов, сторон или периодов этнокультурного развития бурят и других народов республики.

Важнейшей является задача «не дать нации, всему населению Бурятии впасть в беды и трагедии межнациональных розней»²⁸. Ученые делают попытки разработки идеологии нации, формирования общенациональной идеи, способствующей консолидации и прогрессу бурятского народа. В качестве таковой И.С. Урбанаевой обосновывается идея Байкальской суперэтнической традиции, рассматриваемой сквозь призму регионального, центральноазиатского контекста²⁹. «Задача бурятской интеллигенции – сделать ярче огонь великой центрально-азиатской традиции»³⁰.

В.В. Мантатовым разрабатывается концепция устойчивого развития Байкальского региона, в которой дан синтез экономики, экологии и этики. По мнению международных экспертов и ученых Бурятии, в границах России именно Байкальский регион может стать мировой модельной территорией устойчивого экологического развития. Для этого есть и природные, и интеллектуальные предпосылки³¹. Следует заметить, что тема экологии актуальна для этнического самосознания не только бурят, но и всех народов, живущих вокруг Байкала.

С. Калмыков, Н. Абасв, Б.-М. Балданов указывают, что в условиях многонационального общества современной Бурятии такая идея не может базироваться на чисто этнических компонентах и должна подчеркивать именно общность государственных интересов совместно живущих народов, единство их исторических судеб и ответственность за будущее республики как суверенного национально-государственного образования. Речь идет об идее национально-государственной общности, базирующейся на приоритете единства земли, общности территории и культурно-исторического пространства, но не первичности «голоса крови». Для ее выработки народу Бурятии целесообразнее обратиться к евразийской идее³².

По мнению Л. Кураса и Б. Базарова, Бурятия благодаря геополитическому положению, обусловившему ее особое развитие в политической, экономической, этнической, конфессиональной областях, может стать воротами России в Азию и буддийский мир³³.

А.А. Елаев считает, что необходимо разработать концепцию реформирования государственного устройства республики, основанную на гибком использовании принципов территориальной и национально-культурной автономии. Концепция должна содержать меры, направленные на изменение роли и места государства и постепенное сужение сферы его влияния на регулирование межнациональных отношений³⁴.

В отличие от деятелей науки представители властных структур и бизнес-элиты больше тяготеют к определению национальной интеллигенции, исходя из классической формулировки: это люди, имеющие высшее образование и занятые в сфере умственного труда. Выделяются разные виды интеллигенции: научная, художественно-творческая, инженерно-техническая, медицинская и др. При этом у управленцев и самих предпринимателей нет однозначного ответа на вопрос, входят ли банкиры, предприниматели и другие представители деловых кругов в состав национальной интеллигенции. Хотя по данным социологического исследования "Предприниматель в Бурятии", преобладающая часть предпринимателей – бывшие представители гуманитарной и технической интеллигенции³⁵.

Министр экономики РБ Н.И. Атанов (в недавнем прошлом, когда у него брали

интервью, вице-президент концерна «Забайкаллес») высказал мысль, что «о национальной интеллигенции, в собственном смысле слова, нужно говорить с некоторой условностью, поскольку становление современной интеллигенции происходило в основном в русских традиционных школах, и в этом смысле национальная интеллигенция является носителем той базы, в которой она выросла»³⁶.

Как мы установили, среди управленцев и предпринимателей преобладает подход к нации как к государственному сообществу и большей весомостью наделяется экономико-правовое конституирование нации.

В качестве главных задач, стоящих перед национальной интеллигенцией Бурятии, политические и хозяйственные руководители называли следующие: самосохраниться и самоорганизоваться в трудных условиях переходного периода; искать пути выхода из кризиса; заполнить «вакуум лидерства» в республике людьми, способными стратегически мыслить; не ввязываться в национальный вопрос, куда интеллигенцию втягивают политики для обоснования собственных позиций. «Очень серьезный вопрос – разработка общенациональной идеи, которая способна зарядить людей на возрождение»³⁷. Как считает Л. Нимаева, заместитель председателя правительства РБ, «спасти нас может только идея истинного патриотизма... Как бы не старались уничтожить историческую память, в душе каждого из нас все равно живет любовь к отечеству. Это израненная любовь, но она движет всем... Горжусь, что в Бурятии в дружбе и взаимопонимании живут люди разных национальностей»³⁸.

По мнению опрошенных предпринимателей, основными задачами, стоящими перед бурятами, сейчас являются формирование республиканской деловой инфраструктуры, подъем экономического потенциала Бурятии, создание материальной базы для развития этнического самосознания, духовного возрождения народа. При формулировании первоочередных задач все эксперты, как видно из интервью, исходят из понимания иллюзорности поиска путей их решения без учета широкого этнокультурного и социально-политического контекста.

Следует заметить, что парадигма контекстуального видения и осмысления национального имеет глубокие корни в сознании бурятской интеллигенции. «Дореволюционная бурятская интеллигенция... вышла из русской действительности, под влиянием русской интеллигенции... Она осознавала двойную трудность решения национальных проблем: 1) невозможность их решения вне общероссийских факторов, в рамках узкого этницизма; 2) необходимость громадной работы по созданию национально-государственных учреждений, институтов, воспитанию специалистов во всех сферах жизни, развитию культуры»³⁹. Являясь носителем двух типов ментальности, бурятская интеллигенция конца XIX – первой трети XX в. понимала, что подлинное национальное возрождение бурятского народа невозможно без своеобразного синтеза традиционного наследия с лучшими достижениями европейской цивилизации⁴⁰.

Контекстуальность проявляется и в отношении экспертов к национальному лидеру, понимаемому как общереспубликанский лидер: если он будет заниматься исключительно вопросами, касающимися только бурятского населения, то он никогда не станет лидером нации.

В последнее время в республике произошел всплеск активности родоземляческих отношений. Землячества, организующиеся преимущественно по территориальному принципу, являются в то же время отражением родовых связей. Цели землячеств многообразны: «обращение к своим историческим истокам, знакомство и сближение людей, корни которых... идут из одних мест, забота о престарелых... И одновременно проявление внимания к детям и молодежи»⁴¹.

На начало 1996 г. создано 19 землячеств (в Министерстве юстиции РБ зарегистрированы 12). «Землячество как специфическое проявление гражданских инициатив в условиях Бурятии проводит определенную полезную работу. Тон в ней задают и осуществляют общее руководство представители старшего поколения, умудренные большим жизненным опытом... Молодежь, особенно ее предприимчивая часть, тоже не остается в стороне и по мере возможности старается подкрепить материально

энтузиазм аксакалов, повинуюсь негласным морально-этическим законам в духе все тех же незабываемых родовых традиций»⁴².

Землячества создавались с культурно-образовательными, благотворительными целями, однако они не остались в стороне от политики, что продемонстрировали выборы в Государственную Думу в декабре 1995 г. Землячества активно поддерживали своих земляков – кандидатов в депутаты в Госдуму⁴³.

Образование землячеств оценивается неоднозначно. Например, В.Ц. Найдаков, говоря о разъединяющей функции землячества, отмечал, что они «необходимы для того чтобы осознать себя частью чего-то, а не человеком не помнящим родства, приобщиться к памяти предков, к старинным обычаям бурят с *сэем*, чтобы на каком-то следующем витке консолидироваться на новой основе». Иными словами, этот процесс «можно рассматривать как специфическую реакцию на угрозу существованию этнокультурной общности»⁴⁴.

Несмотря на все перипетии исторической судьбы и вне зависимости от актуализации родовых связей в настоящее время, буряты «родство помнили» всегда. Поэтому может быть имеет смысл говорить о многоуровневой природе этнической идентичности бурят, в которой сосуществуют представления о принадлежности к единому народу и одновременно к одной из составляющих его локальных групп (например, аларские, хоринские и другие буряты). По-видимому, именно через местную, сакрализованную шаманской практикой традицию, посредством генеалогии человек и осознает свою ассоциированность с более крупной общностью – народом.

Так или иначе, образование землячеств способствовало тому, что в общественной структуре Бурятии появился слой «кустовых», по образному выражению одного из респондентов, лидеров. Национальный лидер, по мнению всех участников опроса, обязан мыслить масштабно, как минимум категориями республики. Более того, он должен соотносить национальное с общероссийским, с общечеловеческим.

Для большинства экспертов понятия «национальный лидер» и «президент республики» совпадают. В статусе лидера деятеля науки желали бы видеть человека, обладающего высокими нравственными качествами, радеющего о благе народа и республики в целом, широко образованного, знающего не только историю и культуру своего и других народов Бурятии, но и всемирную историю, умеющего видеть пути будущего. Высказывается мнение и о необходимости знания им родного языка.

Предприниматели, которых мы интервьюировали, считают, что лидер обязан знать традиции и культуру народов Бурятии, иметь в виду интересы и перспективы республики. Он должен быть молодым, энергичным, способным понять новые веяния времени, уметь признавать свои ошибки.

По мнению управленцев, для национального лидера необходимы следующие качества: порядочность, профессионализм, организаторские способности, знание культуры и языка своего и других живущих в республике народов. Он должен не только знать проблемы Бурятии изнутри, но и ориентироваться в общероссийской действительности, с тем чтобы четко вычленять место и роль Бурятии в масштабе России.

Здесь следует учесть, что интервьюирование проводилось в период принятия в республике новой Конституции и введения президентского правления. Основные дебаты велись вокруг двух вопросов: обязан ли будущий президент знать русский и бурятский языки и нужен ли возрастной ценз в 55 лет для кандидатов. Говоря о языковой проблеме и возрастном цензе, подразумевались национальные интересы и желание видеть в высших эшелонах власти новых лиц.

Выдвижение требования о языке косвенно подтверждает представление о бедственном положении бурятского языка и настоятельности мер по его возрождению. Проблемы языка связаны с проблемой образования. Одной из причин состояния языка «выдвигается факт перехода в середине 70-х годов республики на русский язык обучения с 1 класса»⁴⁵. Если в 1970 г. бурятский язык признавали родным 92,8% бурят, то в 1989 г. – 86,6%. Уменьшалось количество бурятских школ. С 1931 по 1960 г. их число сократилось с 317 (46% от общего числа школ республики)

до 170. Ныне функционирует 143 школы (24%). При этом в 1993/94 учебном году из 143 бурятских школ 110 были смешанными, т.е. обучение велось на русском языке, а бурятский изучался как предмет⁴⁶. По мнению Г.А. Дырхеевой и Т.П. Бажеевой, основы для развития бурятско-русского двуязычия были заложены еще в дореволюционной школе. Существовала разница языкового положения в Западной и Восточной Бурятии. В западных аймаках школьная сеть была гуще: в 1918 г. там имелось 157 школ (у восточных бурят – 48), и преподавание велось на русском языке. В Восточной Бурятии эта разница компенсировалась большим числом хуvaraков в дацанах⁴⁷.

В последнее время ситуация стала меняться. В 1986 г. в начальных классах школ с бурятским контингентом учащихся было принято решение о переводе обучения на родной язык (это в основном касалось отдаленных сел республики)⁴⁸. Большую работу по возрождению языка и культуры проводит ВАРК. Издаются учебники бурятского языка, идут передачи «Учимся говорить по-бурятски», растет число учебных заведений, в которых изучается бурятский язык. В 1992 г. был принят «Закон о языках народов РБ», согласно которому государственными языками Республики Бурятия стали бурятский и русский. К сожалению, бурятский язык продолжает оставаться на периферии общественной жизни, «начинает занимать место домашнего языка»⁴⁹. Таким образом, бурятский язык и бурятская школа требуют всемерной поддержки.

В 1994 г. создан Бурятский научный центр образования. Одной из главных его целей является разработка модели бурятской национальной школы, обеспечивающей решение следующих задач: трансляция национальной культуры и национального самосознания, высокий уровень образования, психологическая и функциональная способность выпускников к жизнедеятельности в поликультурном мире. Продуктивное бурятско-русское двуязычие, формируемое в режиме диалога культур, будет эффективным средством воспитания поликультурно ориентированной личности с чувством национального достоинства⁵⁰.

Способна ли сегодня интеллигенция влиять на политическую ситуацию в республике? По оценкам экспертов, по этому вопросу наблюдается преобладание критического подхода. Как отмечает И.С. Урбанаева, «беда в том, что интеллигенция Бурятии в основной своей массе продолжает оставаться на позициях стороннего наблюдателя»⁵¹. По мнению В.Ц. Найдакова, «современная бурятская интеллигенция, к сожалению, не играет существенной роли, поскольку она не является властителем дум сейчас живущих представителей бурятского народа и всего населения республики»⁵². Э.Д. Дагбаев пишет: «Практически все национально-политические проблемы ставились и обсуждались при активном участии местной интеллигенции, но при этом она не всегда способствовала продуктивной работе по разрешению этих проблем»⁵³. Деятели науки подчеркивают, что только при сотрудничестве, объединяя потенциал всех групп (научной, художественно-творческой, политической, инженерно-технической и т.д.), интеллигенция будет в состоянии что-то определять.

Более оптимистично настроены предприниматели, считающие, что по крайней мере та часть интеллигенции, которая относится к бизнес-элите, обладает реальными возможностями для эффективного воздействия на динамику и содержание политических процессов в республике. Формы влияния варьируются от материальной поддержки определенных партий и движений, лоббирования интересов до непосредственного участия в выборных органах государственной власти.

По мнению управленческой элиты, в преимущественном положении находится интеллигенция, занятая в сфере государственного управления. Что касается авторитета у жителей Бурятии, то, по оценкам экспертов, наибольшей популярностью у населения пользуются деятели культуры и представители гуманитарной науки.

Среди дореволюционной плеяды бурятских интеллигентов видное место занимали религиозные деятели. «До революции в бурятских улусах Забайкалья действовало 46 монастырей (дацанов), в которых насчитывалось 23 тысячи священнослужителей (лам)»⁵⁴. В 1923 г., ко времени образования республики, в Бурятии было 44 дацана,

211 православных храмов, 81 старообрядческий молитвенный дом, 7 синагог, 6 мечетей, 5 баптистских общин, 1 католический костел⁵⁵.

Со второй половины 1920-х годов начались преследования духовенства, а в 1930-е годы дацаны были разрушены и разграблены, ламы посажены в тюрьмы или сосланы, часть из них расстреляли. Как считают деятели науки, с уничтожением духовенства в развитии бурятского этноса произошел перелом, и огромный пласт национально-культурного наследия был изъят из духовного и исторического образования.

Тем не менее в настоящее время преемственность религиозной традиции сохраняется. В последние годы в Бурятии наблюдается подъем религиозной жизни. В 1995 г., согласно статистическим данным, действовало «14 буддийских дацанов, 12 буддийских общин, 17 православных храмов и приходов, 7 древнеправославных общин, 23 религиозных секты, течений и других автономных толков»⁵⁶. В 1993 г. был образован центр возрождения бурятских шаманских традиций «Хэсэ хэнгэрэг»⁵⁷. В этих условиях повышается значение и авторитет служителей культа. По мнению экспертов, духовенство пока еще не способно в полной мере играть особую, консолидирующую роль духовного центра.

Буддизм и православие являются фактором поддержания этнополитической стабильности в Бурятии. Как подчеркнул дид-хамбо лама Ц. Дашицыренов, «мы отказались от участия в делах политических. Мы понимаем, какое влияние может оказать религия на расстановку различных сил в обществе. В то же время мы отчетливо видим глубину своей ответственности перед людьми... Политика – удел узкоспециализирующихся профессионалов. Удержать людей от проявления крайностей в переломные моменты человеческого бытия – долг духовенства. Конечно, прихожане вправе выдвигать кандидатуры своих духовных наставников в органы представительной, исполнительной и судебной ветвей власти. Но и буддийские монахи обладают гражданским правом отказаться от высокого доверия, решили мы на совете настоятелей дацанов»⁵⁸.

Реальность и функциональность второй группы доминант наглядно продемонстрировал состоявшийся в марте 1996 г. II Всебурятский съезд, на котором обсуждались проблемы дальнейшего развития бурятского народа. На съезде был поставлен и вопрос об учреждении Конгресса бурятского народа. Казалось бы, это внутреннее дело и право бурят, но на съезде разгорелась полемика: нужен ли конгресс с политическими и правозащитными функциями или достаточно культурной организации – ВАРК, как отреагирует население республики и округов, какова будет реакция администраций Иркутской и Читинской областей и т.д. В итоге съезд поручил делегатам проконсультироваться на местах, создал оргкомитет и отложил вопрос о создании Конгресса бурятского народа на обсуждение специальной сессии съезда. С одной стороны, отрядно, что возобладал взвешенный подход, стремление учесть мнения всех проживающих в регионе народов. С другой, очевидно, пришло время признать, что у каждого народа могут быть свои национальные интересы. Главное – осознать, каковы эти интересы, в чем состоят и какими путями их можно реализовать, уважая интересы и права других народов. Второй созыв II Всебурятского съезда (июль 1996 г.) принял решение об учреждении Конгресса бурятского народа как представительной общественной организации, избрал совет и президента Конгресса – Е.М. Егорова⁵⁹.

Управленцы и предприниматели, говоря о кризисе интеллигенции, указывали на тяжелое материальное положение большинства представителей национальной культуры и науки, невостребованность их знаний и результатов деятельности. Тяжелое положение интеллигенции – свидетельство негативных тенденций в ходе трансформационных процессов в обществе. Научно-гуманитарная элита, соглашаясь с тем, что интеллигенция Бурятии переживает сейчас трудные времена и в чем-то уступает свои позиции, тем не менее опровергает суждение о своей нежизнеспособности, особенно в плане идейного лидерства.

Будущее республики эксперты связывают с интеллигенцией и надеются, что она вновь обретет себя и внесет достойную лепту в определение этого будущего. «В процессе национального возрождения будет возрастать участие буддийского духовенства, зарождающейся буржуазии и других слоев населения, но решающую роль, роль лидера нации должна сыграть национальная интеллигенция, которая на сегодня обладает мощным интеллектуальным потенциалом и возможностями самоорганизации»⁶⁰.

Итак, можно подвести некоторые итоги. Выделенные посредством анализа текстов интервью и публикаций доминанты образуют базисные векторы процессов этнического самоопределения представителей бурятской интеллигенции. При этом доминанты первой группы (проблемные локусы) имеют, очевидно, наднациональную природу, являясь достаточно традиционными для мировосприятия интеллигенции в целом как таковой. Иначе говоря, эти доминанты прежде всего опосредуют осознание принадлежности к страте, к слою интеллигенции, нежели чем процессы этнической идентификации. Преломляясь в сознании интеллигенции того или иного народа, доминанты обретают этническую окрашенность, выражающуюся в наполнении проблемных локусов конкретным местным, этническим содержанием.

Вторая же группа доминант является в большей степени специфичной для бурятской интеллигенции, детерминируя принцип осмысления и способ реализации этнического. Вместе с тем и здесь, очевидно, имеются культурно-психологические и социально-исторические параллели.

Сравнительный анализ высветил некоторые нюансы в содержании этнической идентичности у разных групп интеллигенции. Представители научно-гуманитарной интеллигенции демонстрировали глубокую эмоциональную включенность в процессы этнического самоопределения. Для такой модели идентичности характерно повышение значимости нравственно-психологических факторов в формировании этнической солидарности. У управленческой и предпринимательской элиты более выражен рационально-прагматический подход, национальная проблематика зачастую рассматривается ими сквозь призму политической актуальности.

Полученные выводы требуют, конечно, дальнейшего изучения. Сам же метод совмещения анализа прессы, литературы с интервью экспертов достаточно плодотворен и открывает большие возможности для более адекватного отражения действительности.

Примечания

¹ См.: Духовная культура и этническое самосознание. Вып. 1. М., 1990. Вып. 2. 1991; *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. М., 1993; Национальные отношения и этнические конфликты. М., 1993; Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994; Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М., 1994.

² *Дагбаев Э.Д.* Политизация интеллигенции переходного периода // Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национального возрождения народов Республики Бурятия. Улан-Удэ, 1995. С. 17–18.

³ См.: Национальная интеллигенция и духовенство: история и современность. Улан-Удэ, 1994; Интеллигенция: проблемы гуманизма, народа, власти. Ч. 2. М.: Улан-Удэ, 1994.

⁴ Интервью с Т.М. Михайловым.

⁵ *Мантатов В.В., Мантатова С.А.* Стратегия устойчивого развития байкальского региона: роль интеллигенции // Интеллигенция: проблемы гуманизма... 1994. С. 115.

⁶ *Дагбаев Э.Д.* Пресса и национально-политический процесс региона. Улан-Удэ, 1995. С. 70.

⁷ Бурятия в цифрах. Статистико-экономический справочник. 1927—1930. Верхнеудинск, 1931. С. 8–24.

⁸ *Елаев А.А.* Бурятия: путь к автономии и государственности. М., 1994. С. 117–122.

⁹ *Урбанаева И.С., Михайлов Т.М., Рандалов Ю.Б., Бураев И.Д.* Национальный вопрос в Бурятии. Улан-Удэ, 1989. С. 5.

¹⁰ *Имаев Д.Д.* Этнокультурные процессы у бурят: основные факторы и особенности // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика. Улан-Удэ, 1993. С. 20.

¹¹ *Урбанаева И.С., Михайлов Т.М.* и др. Указ. раб. С. 6.

¹² Бурятия. 3 июля 1993 г.

- ¹³ Там же. 8 июня 1993 г.
- ¹⁴ Там же. 3 июля 1993 г.
- ¹⁵ Там же. 26 ноября 1994 г.
- ¹⁶ *Дагбаев Э.Д.* Пресса и национально-политический процесс региона. С. 75.
- ¹⁷ *Найдаков В.Ц.* О сущности и истории интеллигенции (в порядке дискуссии) // Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального... С. 8.
- ¹⁸ *Михайлов Т.М.* О национальном менталитете бурят (постановка вопроса) // Вопросы методологии и истории наций и национальных отношений в регионе Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1992. С. 8.
- ¹⁹ *Урбанаева И.С., Михайлов Т.М. и др.* Указ. раб. С. 6.
- ²⁰ *Буркина А.А.* Особенности развития бурятской интеллигенции // Интеллигенция: проблемы гуманизма, народа, власти. С. 8.
- ²¹ *Михайлов Т.М.* О старой и новой интеллигенции // Национальная интеллигенция и духовенство... С. 16.
- ²² Интервью с И.С. Урбанаевой.
- ²³ Интервью с Т.М. Михайловым.
- ²⁴ *Дробижева Л.М.* Этническое и историческое самосознание народов СССР на рубеже последнего десятилетия XX века (в конце 80-х–начале 90-х гг.) // Духовная культура и этническое самосознание. Вып. 2. М., 1991. С. 65–82.
- ²⁵ Бурятия. 14 апреля 1995 г.
- ²⁶ *Рандалов Ю.Б.* К характеристике структуры современной бурятской нации и тенденции ее развития // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика. Улан-Удэ, 1993. С. 26.
- ²⁷ Интервью с Т.М. Михайловым.
- ²⁸ Интервью с В.Ц. Найдаковым.
- ²⁹ *Урбанаева И.С.* К концепции Байкальской культуры: идея суперэтнической традиции // Философия и история культуры: национальный аспект. Улан-Удэ, 1992. С. 7–28; *еже же.* Монгольский мир: человеческое лицо истории. Улан-Удэ, 1992; *еже же.* Человек у Байкала и мир Центральной Азии. Улан-Удэ, 1995.
- ³⁰ Правда Бурятии. 3 марта 1994 г.
- ³¹ Бурятия. 6 сентября 1994 г.
- ³² *Калмыков С., Абаев Н., Балданов Б.-М.* Чем мы не похожи на «драконов»? // Международная жизнь. 1993. № 5/6. С. 39–40.
- ³³ Бурятия. 24 ноября 1994 г.
- ³⁴ *Елаев А.А.* Указ. раб. С. 139–140.
- ³⁵ Бурятия. 14 января 1994 г.
- ³⁶ Интервью с Н.И. Атановым.
- ³⁷ Правда Бурятии. 20 января 1996 г.
- ³⁸ Бурятия. 6 сентября 1994 г.
- ³⁹ *Михайлов Т.М.* О старой и новой интеллигенции // Национальная интеллигенция и духовенство... С. 14.
- ⁴⁰ *Ширапов Ю.С.* Бурятская интеллигенция и общественно-политическая мысль Бурятии в начале XX в. Улан-Удэ, 1993. С. 43.
- ⁴¹ Бурятия. 26 мая 1995 г.
- ⁴² Там же. 18 апреля 1995 г.
- ⁴³ См., например: Там же. 21 ноября 1995 г.
- ⁴⁴ *Солдатова Г.У.* Этничность и конфликты на Северном Кавказе (социально-психологический аспект) // Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1994. С. 139.
- ⁴⁵ *Дырхеева Г.А., Бажеева Т.П.* Исторический аспект бурятско-русского двуязычия в Бурятии // Историко-сравнительное изучение монгольских языков. Улан-Удэ, 1995. С. 34.
- ⁴⁶ *Елаев Н.К.* Бурятская школа. История, проблемы и опыт национализации. Улан-Удэ, 1994. С. 79–81.
- ⁴⁷ *Дырхеева Г.А., Бажеева Т.П.* Указ. раб. С. 24.
- ⁴⁸ *Урбанаева И.С., Михайлов Т.М. и др.* Указ. раб. С. 18.
- ⁴⁹ Бурятия. 5 августа 1994 г.
- ⁵⁰ Там же. 23 мая 1995 г.
- ⁵¹ Интервью с И.С. Урбанаевой.
- ⁵² Интервью с В.Ц. Найдаковым.
- ⁵³ *Дагбаев Э.Д.* Пресса и национально-политический процесс региона. С. 81.
- ⁵⁴ Правда Бурятии. 16 сентября 1994 г.
- ⁵⁵ Бурятия. 24 ноября 1994 г.
- ⁵⁶ История, культура, экономика Бурятии. Юбилейный статист. сб. Улан-удэ, 1995. С. 18.

⁵⁷ Бурятия. 23 ноября 1993 г.

⁵⁸ Там же. 15 февраля 1994 г.

⁵⁹ См. республиканские газеты за март и июль 1996 г.

⁶⁰ *Рандалов Ю.Б.* О некоторых аспектах социальной структуры современной национальной интеллигенции Бурятии // Национальная интеллигенция и духовенство... С. 14.

I.A. E l a e v a. Buryat Intelligence: Ethnic Self-Determination Dominants

The article dedicated to the investigation dominants on the example of Buryat intelligence. For the reconstruction of image «we» it is used the combination of different methods: expert questioning in the form of informal interview and analysis of Republican press publications on ethnic problems for some time past.